

Как овладеть литературным произношением

© И. А. ВЕЩИКОВА,
кандидат филологических наук

Цель статьи – обсуждение круга и типа источников, необходимых при изучении литературного произношения в языковой ситуации XXI века.

Ключевые слова: литературное произношение, телевизионная речь, орфоэпические словари, разговорная фонетика.

The aim of the article is to discuss the range and type of sources required in the study of literary pronunciation in the language situation of the XXI century.

Key words: literary pronunciation, television speech, orthoepic dictionaries, colloquial phonetics.

«Культуру литературного произношения надо сознательно прививать и развивать. Сама она без специальных усилий никому не дается», – писал Р.И. Аванесов в середине прошлого века [1. С. 19]. В каждом издании учебного пособия «Русское литературное произношение» он напоминал читателям, что практическое овладение орфоэпическими нормами предусматривает работу в трех направлениях: «во всех неясных случаях надо обращаться к специальным словарям и справочникам»; «нужно учиться... путем непосредственных наблюдений над речью лиц, владеющих им»; «необходимо приучить свои органы речи к производству непривычных им движений, а затем систематически их тренировать, чтобы движения, представляющие собой на первых порах сознательные усилия, превратились в автоматические навыки» [Там же. С. 28–31].

Сходные наставления находим в учебнике «Современный русский язык. Фонетика», автор которого М.В. Панов на вопрос «какие у нее (орфоэпии. – И.В.) есть средства воздействия, как она добывается выполнения своих требований?», отвечал: «Либо путем авторитетного примера (школа, театр, радио, телевидение. – И.В.), либо путем научной рекомендации» [2]. Сформулированные принципы не теряют своей актуальности и сегодня, но требуют уточнения в базовых для обучения словарях и круге текстов, являющихся «лидерами мнений».

Типы словарей: академические и профессионально ориентированные

Общеизвестно, что нормативность не исключает наличия вариантов, но данное научное представление находит отражение не во всех словарях орфоэпического типа. Академическая лексикография [3; 4] придерживается установки, в соответствии с которой «сколько-нибудь адекватное отражение реального положения вещей невозможно без введения некоторой шкалы нормативности» [3]. Такой алгоритм дает возможность не только четко обозначить границу между литературным и нелитературным (жалюзй! *неправ.* жалюзи), но также, во-первых, показать, что произносительная система языка, будучи устойчивой, не неизменна, вследствие чего в жизни ряда слов бывают периоды сосуществования двух вариантов; во-вторых, разграничить случаи, где норма представлена одним вариантом (прибывший) и где есть возможность выбора (фольк[л'о]р и фольк[л'о́]р, гренадёр и *допуст.* гренадёр); в-третьих, бережно охранять старые нормы (пое[жж]ай и *допуст. старш.* пое[ж'ж']ай) и вместе с тем поддерживать новые (ждало и *допуст. млад.* ждало) [4].

Что касается нормативных изданий, «предназначенных в первую очередь для работников радио и телевидения» [5; 6], то они «всегда рекомендуют только один из двух сосуществующих в языке равноправных акцентных вариантов» (фольк[л'о]р, гренадёр, пое[ж'ж']ай, ждало) [5. С. 3] или фиксируют равноправные варианты, выделяя первый как предпочтительный для эфира (фольк[л'о́]р и фольк[л'о]р, гренадёр, пое[жж]ай, ждало) [6], мотивируя такую позицию стремлением избежать «разнобоя в речи журналистов», вбирающей в себя практику не только дикторов, но и «радио- и телекомментаторов, корреспондентов, репортеров, очеркистов, артистов – всех, кто выступает как представитель... радиовещания и телевидения» [7. С. 28]. Так на какой же словарь следует ориентироваться при изучении литературной нормы?

В настоящее время широко распространено мнение о приоритетности специализированных словарей не только для «работников вещательных СМИ». При этом утверждается, что «именно их выбирают и прагматичные непрофессионалы – рядовые носители литературного языка» [8]. Размышляя над такой точкой зрения, невозможно не остановить внимание хотя бы на двух моментах. Во-первых, в ряде случаев отказ от вариантов даёт смещённое представление о границах правильности (литературности), создавая зазор между научной рекомендацией и языковой практикой литературно говорящего социума (см. приведенные ранее примеры). Во-вторых, несовпадения между профессионально ориентированными и академическими словарями не сводятся только к количественному критерию.

Для понимания характера расхождений между словарями целесообразно вспомнить идеи Б. А. Успенского относительно того, что «усвоение нормы всякий раз обусловлено вхождением в тот или иной социум. Поскольку

в течение жизни человек может входить в разные социумы, постольку различные нормы могут наслаиваться одна на другую. Так могут последовательно возникать требования: “говорить, как все” (в процессе нормализации детской речи...), “говорить, как избранные” (при овладении социальным жаргоном...), “говорить и писать, как культурные люди” (при овладении книжной нормой...) (...) Поэтому, наряду с имманентно присущим всякой норме общим значением правильности, норма имеет еще и побочное социальное значение: она демонстрирует принадлежность к определенному социуму. В некоторых случаях этот социальный аспект может выступать на первый план» [9].

Очевидно, что рассматриваемые словари дают информацию о нормах разного типа: академические – о так называемой книжной норме, владение которой «демонстрирует принадлежность индивида не к тому или иному социуму – хотя бы и достаточно авторитетному, – а к культуре, к письменности», поскольку «в случае книжной нормы вперед выступает не социальное значение нормы, а первичное имманентно присущее ей значение языковой правильности» [Там же]; профессионально ориентированные словари говорят о норме, акцентирующей значение «престижно для определенного социума», в связи с чем обязательна ремарка, касающаяся того, опыт анализа телевизионной речи двух произносительных эпох – советской и постсоветской – свидетельствует о том, что в плане произношения предписания специализированных словарей работают не на всем медиапространстве, а преимущественно в сегменте дикторской речи [10]. В связи с этим можно сделать вывод о том, что если целью является научиться литературному произношению, то без академической лексикографии не обойтись.

Обсуждая словарные источники, надо добавить, что ни один из них не дает исчерпывающей информации о литературном произношении. Даже в академических изданиях, призванных «отразить столько вариантов нормы, сколько их реально существует в языке на данной стадии его развития, по возможности точнее их квалифицировав» [3. С. 3], описанию подлежит один вид варьирования, именуемый – собственно социальным (vs стилистическое), хотя в речи они действуют совместно. О необходимости учитывать сосуществование двух видов варьирования всегда говорят социолингвисты, подчеркивая: «Вариативность языковых знаков зависит от параметров двоякого рода – от социальных характеристик носителей языка... и от ситуации речевого общения» [11].

Таким образом, по причине того, что сведения о литературном произношении, содержащиеся в словарях, не являются полными, возникает необходимость поддержать и дополнить их данными, почерпнутыми при исследовании текстов, принадлежащих в настоящее время авторитетному социуму.

Телевизионная речь как источник знания о литературной норме

На протяжении многих десятилетий в качестве «орфоэпической горы» и «общественно признанного, общезначимого авторитета в области культуры произношения» [12] выступала сценическая речь. В настоящее время картина изменилась: нельзя не видеть и отрицать, что все более влиятельной становится телевизионная речь. Попробуем объяснить причины подобных трансформаций.

В середине XX века русский мыслитель и ученый М. М. Бахтин писал: «Литературный язык – это сложная динамическая система языковых стилей; их удельный вес и их взаимоотношения в системе литературного языка находятся в непрерывном изменении», причем «в каждую эпоху развития литературного языка задают тон определенные речевые жанры...» [13]. Изучая «историческую динамику этих систем» в XX веке, представители Пражской школы обозначили вектор преобразований так: «Для развития современных литературных языков и для их современного состояния всё указывает на то, что постепенно ослабевает влияние языка художественных текстов на образование и на закрепление нормы и, напротив, возрастает влияние и воздействие на нее специального языка... и языка публицистики (не только письменной, но и устной). Популярно-научные и публицистические языковые реализации (тексты) имеют в современной коммуникативной практике с точки зрения воздействия на литературную норму центральное значение» [14].

Стилисты идут еще дальше, отмечая, что «если в XIX в. понятие литературного языка ассоциировалось прежде всего с языком художественной литературы, то в наше время в качестве авторитетного и полноправного представителя литературного языка выступает язык СМИ» [15]. Отмечая выдвигание на первый план текстов СМИ, надо учитывать и сдвиги внутри самой медиасистемы, на которые первыми обратили внимание социологи, заострив внимание на том, что «в 50-е годы телевидение почти не было представлено в журналистском поле; когда речь заходила о журналистике, мало кто упоминал о телевидении», но «с годами... положение изменилось с точностью до наоборот...»: «очень значительная часть населения не читает газет и предана душой и телом телевидению как единственному источнику информации», «еще более важным последствием, которое невозможно было в свое время предвидеть, является влияние телевидения на совокупность деятельности по производству культурной продукции, в том числе в области науки и искусства» [16].

С течением времени наблюдения П. Бурдьё были подтверждены и на российской почве. Об этом пишут теоретики и практики журналистики, замечая, что «экспансия ТВ продолжается – и предела ей не видно» [17]. Еще более серьезны наблюдения и заключения лингвистов: «К концу столетия язык художественной литературы утрачивает нормотворческую значимость. Восприимчиком этой функции становится язык медиальных средств, причем прежде всего СМИ устных» [18].

Проецируя сказанное об изменении роли и влияния формирующих литературный язык подсистем на произносительную составляющую, заметим, что взаимоотношения и взаимоориентация двух величин – литературного произношения и телевизионной орфоэпии – исторически изменчивы. В советский период задачи телеорфоэпии сводились к тому, чтобы сознательно внедрять «высокую культуру языка» [7. С. 3].

Не менее важно и другое: как показывают публикации на тему «русский язык по данным массового обследования» [19], в ту эпоху телевизионная практика была за пределами нормообразующих источников. В период перестройки и гласности произносительная сторона телевизионной речи стала объектом критики и на время утратила свой авторитет. Но уже на рубеже веков, по словам В.Л. Воронцовой, «актуальной является задача сдерживать негативные с точки зрения литературной нормы процессы... В этом процессе стабилизации должны сыграть свою роль лингвисты. Не менее важна роль средств массовой информации» [20].

Несколько позднее, несмотря на осторожное к ней отношение, телеречь неуклонно вовлекается в орбиту нормоформирующих текстов, начиная выполнять, по выражению современных лингвистов, функции «нормо-задающего механизма»: «Анализируемые в настоящей работе изменения в произносительной системе, зафиксированные в СМИ, конечно, являются лишь фактами речи, но ими нельзя пренебрегать, так как все они – ростки нового в меняющейся системе языка. Некоторая часть зафиксированных инноваций приобретает у нас на глазах статус нормы, будущее других фактов пока неопределенно» [21].

Наконец, еще одно новшество заключается в том, что в некоторых случаях культивируемые в телеречи варианты начинают соперничать с предписаниями академических словарей и тем самым теснить литературный канон. Приведем один, но далеко не единственный пример. Работающие в эфире акцентируют варианты *одноврЕменно*, *обеспЕчение* и т.п. И именно этот вариант в сознании среднего носителя языка воспринимается как эталонный, хотя и ученые (например, С.И. Ожегов, Е.А. Брызгунова), и лексикографические рекомендации (например, разные издания классического «Орфоэпического словаря...») указывают на литературность (правильность) вариантов *одновремЕнно*, *обеспЕчение* и т.п.: (1) «Литературная норма произношения: *одновремЕнно* (на слогЕ *мен*). Но в разговорной речи под влиянием таких слов, как *своеврЕменно*, *преждеврЕменно* и т.п., литературная норма колеблется. Вряд ли нужно противиться этому процессу, ведущему к унификации произношения группы слов» [22]; (2) *ОдновремЕнный* и *допуст. одноврЕменный* [3]; (3) «Приведенные выше сосуществующие варианты с научной точки зрения равноправны. Специалисты по СМИ имеют право выбрать, отдать предпочтение одному из вариантов и рекомендовать как норму. В начале XXI века редакторы СМИ рекомендуют ударение на корне слова, т.е. *обеспЕчение*,

одновременно, обрушение. Но значительная часть носителей литературного языка, людей знающих, образованных автоматически будет следовать своим нормам: обеспечение, одновременно. И это не будет ошибкой, это будет равноправный выбор равноправного варианта. В этом пункте проявляется этическая проблема для редакторов СМИ» [23]. Получается, что сегодня в споре «как правильно и лучше произнести» (в случае разночтения предписаний) нередко побеждают СМИ.

Анализ произносительной составляющей разных типов программ, форматов и жанров наглядно показывает следующее. Во-первых, «даже образцовое произношение не может быть всегда абсолютно одинаковым» [24]. Во-вторых, выбор предоставляемых системой литературного языка вариантов регулируется параметрами двоякого рода – функционально-стилистическими и статусно-ролевыми. В-третьих, литературное произношение имеет сложное устройство, будучи представлено кодифицированной фонетикой, коррелирующей с социальным измерением и описываемой всеми нормативными источниками в качестве орфоэпического статус-кво, и некодифицированной, связанной со стилистическим варьированием и подробно рассмотренной пока только применительно к так называемой разговорной речи. В-четвертых, поведение некодифицированной фонетики (по иной терминологии, разговорная фонетика, фонетические компрессии) очень причудливо ввиду фонетической и, как следствие, нормативной неоднородности формирующих ее вариантов. Поясним это на примерах.

На одном полюсе находится разговорная речь, где представлена вся палитра фонетических компрессий – от легко узнаваемых вне контекста и в силу этого потенциально способных к самостоятельному употреблению (пя(ть)десят, государс(твен)ный) до явлений чисто контекстуальных ([в-о-о]=извозчик), от высокочастотных (тыща, двадц(ать) пять) до редко употребительных или почти индивидуальных (бу (=будет) сделано, (з)десь), от максимально сходных с кодифицированными (все-т(а)ки, т(е)атр) до предельно контрастных с ними (н(ав)ерн(о), [шъ]=что).

Другой полюс составляют тексты, где те же самые варианты исключены: это происходит *там* и *тогда*, *где* и *когда* речь квалифицируется как «имеющая большое, даже всеобщее значение», «как важная, существенная для всех (или многих)» и как «имеющая печать торжественности (в большей части – праздничной, но иногда и скорбной)» [25]. Между двумя полюсами находится широкая зона общественно значимой коммуникации, где нет табу на фонетические компрессии, но очевиден запрет на использование всего их спектра, причем ограничения касаются не только их количества, но – и это главное – их типа.

Каталогизация регулярно встречающихся компрессий подсказывает, что для их дифференциации могут быть использованы такие критерии, как 1) степень контрастности с кодифицированным вариантом и удаленность от него и 2) необходимость (избыточность) дополнительного контекста

для узнавания компрессии [26]. Умеренность и избирательность – важнейшие принципы их функционирования в социально значимой ситуации. В ином случае отрицательной оценки типа «разговорно, невнятно, скороговорка, плохая дикция» и т. п. не миновать.

Подводя предварительные итоги, целесообразно повторить, что овладение литературными нормами предусматривает обращение к словарям и к практике «профессионалов слова». Без их координации в процессе изучения норм трудно понять, как на практике работает шкала нормативности «рекомендуется (предписание) – допустимо (ограничение) – запрещено (предупреждение)», и в чем смысл основополагающего тезиса «для каждой цели свои средства, таков должен быть лозунг лингвистически культурного общества» [27].

Литература

1. *Аванесов Р.И.* Русское литературное произношение. М., 1968.
2. *Панов М.В.* Современный русский язык. Фонетика: Учебник для университетов. М., 1979. С. 204.
3. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / С.Н. Борунова, В.Л. Воронцова, Н.А. Еськова; Под редакцией Р.И. Аванесова. М., 1997; Орфоэпический словарь... / Н.А. Еськова, С.Н. Борунова, В.Л. Воронцова; Под редакцией Н.А. Есковой. М., 2015.
4. *Каленчук М.Л., Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф.* Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. М., 2012.
5. *Агеенко Ф.Л., Зарва М.В.* Словарь ударений русского языка / под ред. М.А. Штудинера. М., 2000.
6. *Штудинер М.А.* Словарь образцового русского ударения. М., 2009.
7. *Зарва М.В.* Произношение в радио- и телевизионной речи. М., 1976.
8. *Головина Э.Д.* Уместен ли разноречием в эфире? // Русская речь. 2015. № 5.
9. *Успенский Б.А.* История русского литературного языка (XI–XVIII вв.). М., 2002. С. 13.
10. *Вешикова И.А.* Телевизионная речь в фоностилистическом ракурсе // Медиалингвистика (международный научный журнал) 2014. № 2 (5) (<http://medialing.spbu.ru/part10/>).
11. *Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социалингвистика: учебник для бакалавриата и магистратуры. М., 2016. С. 29.
12. *Панов М.В.* История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М., 1990. С. 17.
13. *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 243.

14. *Едличка А.* Литературный язык в современной коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XX. Теория литературного языка в работах ученых ЧССР. М., 1988. С. 74.
15. *Солганик Г.Я.* Введение // Язык СМИ и политика. М., 2012. С. 10.
16. *Бурдые П.* О телевидении // <http://bourdieu.name/content/bourdieu-o-televidenii>
17. *Третьяков В.Т.* Теория телевидения. ТВ как неоязычество и как карнавал. Курс лекций. М., 2015. С. 24.
18. *Немищенко Г.П.* Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: проблемы, тенденции развития // Вопросы языкознания. 2001. № 1.
19. Русский язык по данным массового обследования. М., 1974.
20. *Воронцова В.Л.* Активные процессы в области ударения // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 2000. С. 324.
21. *Каленчук М.Л., Касаткина Р.Ф.* Звучащая речь в средствах массовой информации // Язык массовой и межличностной коммуникации. М., 2007. С. 302.
22. *Ожегов С.И.* // russkiymir.ru/publications/195649/
23. *Брызгунова Е.А.* Связь внутренних законов языка с нормой устной и письменной речи // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М., 2003. С. 195.
24. *Винокур Г.О.* Биография и культура. Русское сценическое произношение. М., 1997. С. 107.
25. *Панов М.В.* Стили литературного языка // Современный русский язык: Учебник / *Белошапкова В.А., Земская Е.А., Милославский И.Г., Панов М.В.*; Под ред. В.А. Белошапковой. М., 1981. С. 15.
26. *Вещикова И.А.* Орфоэпия: основы теории и прикладные аспекты. М., 2007.
27. *Винокур Г.О.* Культура языка. М., 1929.